

2017

«...еврейские анекдоты не всегда хороши. Они особенно плохи, когда не понимаешь их или когда приходится самому играть в анекдоте роль глупую».

Максим Горький

Увидеть Бога

Последней великой, по-итальянски: *лаудой*, – песней-хвалой пращура францисканства (нищенствующего ордена) св. Франциска Ассизского – была «Песнь о Солнце», восхваляющая абсолютно все божии творенья: Брата Солнце – *frate sole*, Сестру Луну – *sora luna*, Брата Ветра – *frate vento*, Сестру Воду – *sora aqua*, Брата Огня – *frate focu*, Мать Землю – *matre terra*, Сестру Смерть – *sora morte*.

Написанное практически на смертном одре, за «час до смерти», это произведение античной традиции на умбрийском диалекте стало первым в мире памятником религиозной итальянской литературе.

Вообще такие люди, как Франциск, появляются на земле довольно редко, считал Максим Горький, называя их по-горьковски остро – весёлыми праведниками. И ежели Христос, несомненно, праведник, но – увы! и отнюдь – не весёлый, точнее даже, в некоем смысле – педант, то родоначальником когорты именно «весё-

лых праведников» Горький считал собственно Франциска Ассизского. Великого художника страстной любви к жизни, любившего человека не для поучения любви, а потому, что, обладая идеальнейшим искусством и счастьем восторга жизни, жизнелюбия, он не мог не делиться этим счастьем с людьми.

Да, обреталась в душах ещё невероятная сила сострадания, отягощённая радением за род человеческий, обременённая невыносимо страшным результатом кровавых распрей, выплеснувшихся позднее гуманистическим характером решительно иных конструкций, чем в XII–XIII вв. И, переносясь из эпохи Франциска на шесть столетий вперёд (благо вольный формат текста позволяет), нельзя не вспомнить свидетеля жесточайшей битвы при ломбардской деревушке Сольферино – Анри Дюнана, создавшего международную организацию Красного Креста – в помощь раненым воинам, причём со всякой стороны конфликта!

Также нельзя забыть прославленного доктора Фёдора Га́аза (*Friedrich-Joseph Haass*), москвича немецкого происхождения, филантропа, известного под именем «святой доктор», члена Московского тюремного комитета и главного врача московских тюрем, потратившего всё своё приличное состояние на благотворительность, поддержку бедных, осуждённых, жившего в тяжелейший час (в плане филантропии) властвования Николая I.

Правда, жизнь такова, что чистому состраданию уже нет в ней места. И, кажется, в наше время оно существует как «маска стыда». Сказано сие о переломе эпох, шлагбауме XIX–XX веков. Сказано давно. А будто... произнесено только что, вчера, сейчас. И ведь заслужили, господа, согласитесь. Словно не идут нам уроки прошлого впрок. Словно не ведаем мы, чем отсутствие сострадания кончается в исторической перспективе. И...

Кстати, когда вы наблюдали весёлого праведника на своём пути? И замечали ли вообще? Ведь это непросто, поверьте. И говорит это больше о вас, нежели о ком-то другом, стороннем – всё равно, что увидеть Бога среди сонма страждущих, его взалкавших, но не видящих: «От века несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рождenu» (Ин. 9:32). Ведь даже Христос, открыв очи слепцу, не в силах сделать его праведником.

Весёлые праведники – люди не очень крупные. Может, они кажутся некрупными потому, что, с точки зрения здравого смысла, их плохо видно на тёмном фоне жестоких социальных отношений. Они существуют не вследствие, а по-философски: вопреки здравому смыслу! Бытие этих людей совершенно ничем не изви-

нено, не искуплено, кроме их воли быть такими, каковы они есть на самом деле.

Но приступим...

Знакомство

Однажды вышеупомянутый Алексей Максимович в гостях у самарского некрещёного еврея Якова Львовича Тейтеля, где Горький любил опрокинуть чашечку-вторую кофе, – будучи по наставлению Короленко в Самаре на журналистском поприще под псевдонимом Иегудиил Хламида, – встретил затесавшегося среди многочисленных гостей странного незнакомца, оказавшегося – мало того, что инженером Гариным, так ещё, ко всему прочему, – писателем Гариным-Михайловским, которого, вовсе не бесталанного, в принципе, Горький читывал ранее, не имея чести сталкиваться лично.

«Очерки современной деревни» Михайловского (однофамильца своего наставника и литературного учителя, теоретика народничества Н.К. Михайловского) весьма понравились молодому очеркисту-корреспонденту «Русского богатства». А заочные прибаутки рисовали Г.-Михайловского персонажем абсолютно не тривиальным, неординарным, с недурственной фантазией и далеко беспокойным общественным бытием.

Дабы поддержать беседу, а также следуя журналистской привычке «ловить характеры», Горький, полушутя, спросил инженера Гарина (чудно это слышать за 30 почти лет до появления толстовского «гиперболоида»; но, тем не менее: элементарное совпадение имён; причём А. Толстой описывает параболоид, а не гиперболоид; но это к слову):

– А не лгут ли, любезный государь, что как-то вы засеяли сорок десятин маком?

– Почему же непременно – сорок? – чуть искусственно возмущился Николай Георгиевич. И, прихмутив красивые брови, озабоченно пересчитал: – Сорок грехов долой, если убьёшь паука. Сорок сороков церквей в Москве. Сорок дней после родов женщину

в церковь не пускают. Сороковой день... Сорокоуст. Великий пост так или иначе связан с числом 40. Сороковой медведь – самый опасный. Чёрт знает, откуда эта сорочья болтовня? Как вы думаете?

Горький опешил. Видимо, Михайловскому было не очень-то интересно чьё-либо мнение. Посему тотчас же, – хлопнув визави по плечу маленькой крепкой рукой, – он сказал с восхищением:

– Но вот если б вы, батенька, видели этот мак, когда он зацвёл!!

Затем Гарин, отскочив от Горького, устремился в дискуссионное побоище, разгоревшееся за соседним столом, оставив последнего в полной прострации.

Тут-то и закралось: «Весёлый праведник?..» – подумалось тогда о Михайловском. Несмотря на то, что встреча та особых симпатий друг к другу не вызвала, пахнув чем-то ненатуральным, театрально-драматическим, мелькнув какой-то нарочитой барской, вернее, полубарской инженерской щеголоватостью, одновременно показным демократизмом. И всё ж таки... Горькому тогда почему-то вспомнился Франциск Ассизский...

И было от чего.

Строен. Красив этот Гарин. Двигается быстро, но изячно. Чувствуется, – быстрота эта не от нервной расшатанности, – а от чрезвычайного избытка энергии, радости, расплёскиваемых вокруг без видимого сожаления.

«Зачем, зачем он исчислял сороки?!» – недоумевал Горький, исподволь наблюдая за Михайловским.

Говорит как будто небрежно, но на самом деле очень ловко и своеобразно построенными фразами. Замечательно владеет вводными предложениями, кои терпеть не мог Чехов. Не имея манерной привычки упиваться красноречием, что свойственно чванливой адвокатуре: «Словам тесно, мыслям просторно!» – фраза эта была непреложным девизом Гарина-Михайловского в общении.

«Мне с Гариным хотелось о литературе побеседовать, а он меня угостил лекцией о культуре корнеплодов, затем изрёк что-то о спорынье», – жаловался Горькому один местный драматург, так и не сумевший полемически «оседлать» Гарина, одеть его в литературно-драматургический тулупчик.

«Невероятная разносторонность пристрастий!» – восхищённо восклицаю я вслед Горькому и иже с ним.

Гиперболоид

1895 год. Михайловский – инициатор, идеолог, организатор и главный строитель ответвления Самаро-Златоустовской железной дороги «Кротовка-Сергиевск»: на Сергиевские северные воды. (Самарская губерния.) В России было применено тогда, с подачи нашего героя, интереснейшее с инженерной точки зрения новшество, – инновация, как бы сейчас произнесли: – дешёвая узкоколейка. Эта немаловажная для Империи стройка сопряжена со множеством различных анекдотов, связанных с начальником проекта, не чуравшимся жизненных коллизий, к тому же впервые ставшим руководителем столь крупного масштаба.

Как-то понадобился ему локомотив – причём особенной конструкции...

Михайловский заявил в Министерство путей сообщения об экстренной нужде приобретения локомотива в Германии.

Бывший железнодорожный министр, в тот момент министр финансов С. Витте, крайне обеспокоенный пополнением госказны путём использования внутренних резервов, ответил Михайловскому отрицательно, предложив заказать машину в Сормове либо на коломенских заводах: экономика должна быть экономной, как говорится. Хитрец Гарин-Михайловский, информированный о сверхвыгодном 10-летнем германском контракте, недавно заключённом Витте (мол, сам-то каков!), то ли из обиды, то ли от собственной предубеждённости против министра – путём неимоверно сложных и достаточно смелых (пошёл наперекор!) ухищрений купил требуемый агрегат за границей. Мало того, контрабандно пригнал его в Самару! Это сохранило ему как подрядчику несколько тысяч денег и несколько недель форы к сдаче объекта, что несравненно дороже, чем деньги.

Блестяще исполнив подряд, вскорости он по-юношески восторженно хвастался не сэкономленными временем и средствами, а именно тем, что исхитрился пригнать локомотив контрабандой.

Сей подвиг вызван не столько силою деловой необходимости, – заключает в воспоминаниях Горький, – сколько желанием преодолеть поставленное препятствие. И даже проще: желанием созорничать, высунув по-хулигански язык. Показать фигу в кармане министру Витте!

Как во всяком талантливом русском человеке – склонность к шаловливости, проказливость, – очень заметны в характере «весёлого праведника» Михайловского.

Часы

Добр Гарин тоже был специфически...

Деньги разбрасывал, как Паратов в «Бесприданнице» – так, будто они его отягощали. И он брезговал разноцветными бумажками, на которые праздный люд обменивает свои силы, бесценные время, жильё, порою жизнь.

Первым браком Гарин женат на богатой женщине – дочери генерала Черевина – личного друга Александра III. Её миллионное состояние свежеиспечённый супруг в краткий срок истратил на сельскохозяйственные опыты. И в период 1890-х гг. жил в основном частным заработком. Принимая жизнь непосредственно, подетски – ну, истинно как праздник! – он бессознательно заботился, чтоб и окружающие подобным образом воспринимали жизнь: весело и беззаботно. Жил широко, угощая алчущую барских яств публику изысканными завтраками и обедами, дорогим вином. Сам ел и пил так мало, что нельзя было понять, чем же питается его неукротимая энергия – святым духом, может? Кроме всего обожал делать подарки. Неизменно делал приятное людям. Но не для того, чтобы расположить их в свою пользу, а просто из приязни, из-за врождённой какой-то любви – к Вселенной, Всевышнему, человечеству, к родной земле, к Государю, наконец.

Расположения же он легко достигал одним беспрецедентным обаянием, талантливостью и динамичностью. Ну и юмором, конечно.

Однажды утром в редакцию «Самарской газеты» ввалился извозчик – ещё трезвый и адекватный. И, немного заикаясь, выдал:

– В-вам часы привезли и-и-из Сызрани.

Никаких посылок редакция не заказывала. Извозчика выпроводили вон. Он ушёл. Побормотал с кем-то за дверью.

И снова явился:

– Еврей г-говорит, вам ч-ч-часы.

– Позови! – нервно ответили вечно занятые репортёры.

Вошёл старенький еврей в стареньком пальто и невероятной формы шляпе. Недоверчиво осмотрел задымлённое куревом помещение и положил на трюмо листок отрывного календаря, на ко-

тором неразборчивым почерком Гарина было накарябано: «Пешкову-Горькому» и ещё что-то каракулями.

– Это вам дал инженер Гарин? – спросил Горький.

– А я знаю? – ответил еврей. – Я же не спрашиваю, как зовут клиента. Или вот вас, например. – Хитро прищурился: – Есть другой Пешков-Горький – нет?

– Нет. Покажите часы.

Пожав плечами, еврей ушёл. Вернулся с извозчиком и громоздким, но не слишком тяжёлым ящиком.

– Распишите на записку, дескать, получили.

– Это что такое? – осведомился Горький, устало кивая на ящик.

– Вы знаете: часы, – равнодушно сказал еврей.

– Ч-ч-часы, – похмельно скривился извозчик.

– Стенные?

– Ну да. Десять часов или даже более.

– Десять штук часов?

– Пусть будет штук.

Горький не выдержал:

– Ну, подумайте, кто ж едет из Самары в Сызрань покупать часы? Форменный идиотизм!

Еврей, смаявшись с длинной дороги, осерчал:

– А какое мне дело думать? Мне сказали: сделай! И я сделал. «Самарская газета»? Верно. Пешков-Горьков? И это верно. Распишитесь на записку. Что вы от меня хотите-то?!

А произошла следующая история...

Николай Георгиевич гулял по берегу великолепной Волги – на закате солнца – в Сызрани. Настроение было более чем благостное, – впрочем, посещавшее «весёлого праведника» часто.

И вот на нескладной кочерыжке он увидел мальчика-еврея, удившего рыбу.

«И всё, знаете, батенька, удивительно неудачно, – позже рассказывал он, – ерши клюют жадно. Но из трёх два срываются. Почему? Да потому что ловил он не на крючок, а на медную булавку!» – что свергло Михайловского в приступ умилённого благодушия и жалости.

Разумеется, пацан оказался красавцем и необыкновенного ума, и уже изведавший горечь жизни. (Ведь видишь всегда то, что сильно хочешь видеть, как водится.)

Человек, – далёкий, в общем-то, от наивности, – Гарин нередко встречал людей с «необыкновенными» умом и внешностью. Просто хотелось – вот и получалось. И виделось. И неслучайно...

Разговорившись, Гарин выяснил, что одиннадцатилетний сорванец живёт у деда. Он и дед – кажется, единственные евреи в городе. Магазин у опекуна скверный. Старик чинит горелки ламп, притирает самоварные краны. Пыль, грязь, нищета. Убогость. Тут же впад в припадок сентиментальности, Гарин взял и выкупил весь нехитрый дедов товар: все часы, отремонтированные и нет, имеющиеся в доме. А мальчишке дал денег – просто так. И отвалил ещё стопку книг в подарок, после чего старый еврей и появился на пороге самарской редакции с удачно проданной поклажей. И вполне тверёзым покамест извозчиком.

А поскольку настенные часы, – пусть и недурные, антикварные, с изразцами, – журналистам девать было некуда, Гарин-Михайловский взял и раздал их рабочим на строящейся железнодорожной ветке: свои люди, сочтёмся! От чего по окрестностям долго ещё роились слухи о свалившихся с неба раритетах, которые очастливленные работяги ринулись распродавать-разменивать по скупкам да ломбардам, пропивать по закусочным да трактирам. Тем более что министр финансов организовал намеренно при государстве винную монополию. Что стало, – наряду с повышением качества(!) алкоголя, – наиважнейшим источником насыщения бюджета для уверенного технократического вхождения Империи в XX век. Век – в полном смысле слова индустриализованный Сергеем Юльевичем Витте, чудесным образом не заметившим «преступной» операции инженера Гарина с пригнанным из-за границы гиперболоидом – иностранной контрабанды. А точнее, спустившим с рук «весёлому праведнику» его далеко и далеко не безопасное предприятие с локомотивом.

Царь

Гарин-Михайловский считался в кругу друзей-литераторов, посвящённых коллег-технарей прекрасным рассказчиком и документалистом!.. Филологи особенно подчёркивают период конца 1890 годов – Северокорейскую, дальневосточную экспедиции (всего по Корее и Маньчжурии пройдено около 1600 км) и далее кругосветку: Япония, Китай, США, Европа...

На основе полугодовых почти путешественнических дневников собрана целая книга, публиковавшаяся в виде разрозненных

очерков под объединённым названием «Карандашом с натуры» в журнале «Мир Божий» за 1899 год. В странствиях сохранено и зафиксировано множество корейских сказок, впервые изданных, – вместе с отдельным изданием книги о путешествии, – в 1903 г. Дневники Михайловского стали самой внушительной лептой в корейскую фольклористику: ранее выпущены лишь 2 сказки на русском и 7 на английском языках.

Во введении Михайловский утверждает, что субъективизм в его текстах минимален: «Я быстро, фраза за фразой, записывал со слов переводчика, стараясь сохранить простоту речи, никогда не прибавляя ничего своего», – хотя Гарин не был бы Гариным, если бы фактурно не поработал над материалом. Оттого творческая перелицовка этимологически ощутима.

В конце круиза Г.-Михайловский настолько пропитался корейским духом, что и сам мог выступить в роли буддистского сказочника. И выступал, поражая слушателей красочностью повествования.

Слухи о необычайных впечатлениях от кругосветки докатились аж... до Государя. И Михайловский был приглашён в Аничков дворец. Николай II пожелал выслушать его историю межконтинентальных поездок и изысканий. Добавлю, что точной даты визита в архивах не установлено. Посему позволю себе предположить примерно январь – февраль 1901 года. Почему, поймёте чуть позже...

Итак, Николай Георгиевич шёл во дворец, волнительно подтянувшись и порядочно робея. Подумать только, личный диалог с царём ста тридцати миллионов населения! «Это не совсем обыкновенное знакомство», – отмечал он впоследствии. Не каждому в жизни удаётся посидеть почаёвничать в царских палатах.

Невольно мечталось: человек подобного уровня должен что-то значить, должен импонировать. Он обязательно скажет что-то сверх общих сведений: неведомое, непознанное.

И вдруг...

Сидит симпатичный пехотный офицер. Курит, мило улыбается, изредка ставит вопросы. Но всё не о том, что надлежит интересоваться самодержца, в царствование коего построен без превеличения великий Сибирский путь! – и Россия выезжает на берега Тихого океана, где её встречают отнюдь не партнёры и – нерадостно, без праздничных букетов цветов и ликующе летящих кверху чепчиков.

Михайловский, отражая в заметках тот знаменательный поход, – с чьих слов я его и воспроизвожу, – будто обрисовывает

портрет императора Николая II кисти Валентина Серова, который создавался приблизительно в то же время, в начале зимы 1901-го. Живописец так и изобразит царя, по-гарински: небольшим поясным портретом сидящего человека в простой одежде без каких-либо регалий, вылитого флегматично-провинциального капитана, сошедшего со страниц повести Куприна.

Зачем же позвал к себе Михайловского царь?..

Не исключено, – подверженный веяниям мистицизма, государь исподволь что-то почувствовал в Михайловском и захотел посредством беседы с инженером-путешественником проверить свои предположения? Нам неведомо...

Но ведь согласитесь, не совсем похоже, что Николай II вызвал писателя, чтобы спросить невинное: «Чтут ли нас корейцы?» – на что Гарин невпопад ответит вопросом на вопрос: «Вы кого подразумеваете?» – начисто забыв об адъютантском предупреждении ни в коем разе не спрашивать, только отвечать!

Но ведь как же не спросить, – рассуждал Гарин в дальнейшем, – ежели сам царь(!) спрашивает, причём и скупно, и глупо, и безвкусно. А его дамы – вовсе молчат: воды в рот набрали. Надутые, словно гусыни.

Старая царица удивлённо поднимала то одну, то другую бровь. Молодая, рядом с ней, – ровно компаньонка, – сидела в застывшей позе с каменными глазами, с обиженным лицом, напоминая визитёру одну девицу, прожившую до 34 лет и обидевшуюся на природу за то, что та навязала женщине обязанность иметь детей. А – ни детей, ни даже простенького романа у девицы, к сожалению, не случилось. И сходство царицы с нею очень как-то мешало, стесняло гостя. И было ему страшно тоскливо и скучно на странном том приёме.

– Это провинциалы!! – недоумённо пожимая плечами, восклицал Гарин, делясь с друзьями ошеломлением о высоком том визите.

Через неделю Г.-М. официально известили, мол, царь вручил ему орден («кажется, Владимира», – предположил Горький). Но награды Гарин не получал, потому что вскоре его административно выперли из Петербурга. За то, что вместе с прочими литераторами подписал протест против избияния студентов и сочувствовавшей им публики у Казанского собора. А поскольку подавление демонстрации свершилось в марте 1901, вот я и подумал, что соб-

Могила Гарина-Михайловского на Литераторских мостках

ственно визит Гарина к государю произошёл где-то чуть ранее означенного времени.

Над Гариным смеялись:

– Э-эх! Ускользнул орден-то, Николай Георгиевич?!

– Чёрт бы их всех подрал! – возмущался он. – У меня тут серьёзный гешефт, и вот – надо ехать. Нет, сообразите, нелепая ситуация! Ты нам не нравишься – поэтому не живи и не работай в столице. (Выслан и отдан под надзор полиции, – И. Ф.) Но ведь в ином-то городе я останусь таким же, каков есть!

В том-то и суть, в том-то и суть... – глубокомысленно заключу я бесхитростную историю про замечательного человека, инженера и писателя, истого государственника и патриота Н. Г. Гарина-Михайловского. И повторюсь, что бытие наше земное ничем не прощено и не искуплено, кроме воли нашей быть такими, каковы мы есть на самом деле... А праведниками прошли мы жизнь или нет – решать, увы, не нам.

Всего доброго, дорогие друзья-читатели!

Киров
2017 г.